

УДК 3(091).(049.32)

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-164-171

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ. КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.:

В 3 Т. / ОТВ. РЕД. В. В. ЖУРАВЛЕВ. М.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 2022. 2067 С.

Телицын В. Л.

Институт всеобщей истории Российской академии наук

119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А, Российская Федерация

BOOK REVIEW:

POLITICAL PARTIES OF RUSSIA. THE END OF THE 19TH – BEGINNING

OF THE 20TH CENTURY: IN 3 VOLUMES / ED. V. V. ZHURAVLEV.

MOSCOW: POLITICHESKAYA ENCYCLOPEDIA PUBL., 2022. 2067 P.

V. Telitsyn

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences

Leninskii prospect 32A, Moscow 119334, Russian Federation

Научно-исследовательская литература, посвящённая истории политических партий и движений в России начала XX в., огромна и разнообразна. И, кажется, нет таких аспектов, которые бы не изучили исследователи политической истории. Необходимо добавить к этому и многостраничные публикации документов практически по всем действовавшим и существовавшим в тот период политическим объединениям, партиям и группам.

Однако до сих пор не было обобщающей работы, сводящей воедино все имеющиеся данные. Без этого не складывались в единую историю многочисленные аспекты: о создании партий, об их руководителях, рядовых членах, электорате, тактике и стратегии, достижениях

и просчётах, судьбе объединений всего политического спектра. Всё это удалось осуществить авторскому коллективу рецензируемого нами трёхтомника.

Каждый из томов посвящён отдельному политическому «лагерю» – консерваторам, либералам, социалистам. Причём авторами томов выступили ведущие специалисты именно по тем или иным политическим направлениям. Кто, например, может сказать больше, чем специалист по консервативному направлению А. А. Иванов, автор огромного количества исследований, посвящённых так называемым «правым» партиям начала XX в.? Он же и автор первого тома трёхтомника. С истории консервативных партий в политической истории и начинается трёхтомная монография.

Проанализировав основные аспекты истории и идеологии «правых» партий – генезис, становление, структура, численность, география, основные программные положения, деятельность и политические практики, – А. А. Иванов приходит к следующим обобщениям и выводам:

1. консерваторы после 1905 г. это не та сосредоточивавшаяся в «толстых» журналах, светских гостиных и просветительских союзах и обществах интеллигентная, по сути, дискуссия о мировых и российских человеческих ценностях, а совершенно вульгаризированная версия [т. 1, с. 24–55, 584];

2. «новые консерваторы», по сути, превращаясь из движения интеллигентов XIX в. в обычную политическую партию (партийное строительство, борьба за массы, за парламентские места, за влияние на властимущих), явили собой новый образ консерватизма, идущего не «сверху вниз» общества, а, наоборот, снизу, от обывателей, от той их части, для которой важны и близки были идеи традиционных ценностей, которые отвергали, даже не размышляя, всё, что не вписывалось в их систему ценностей (даже если эти отвержения представлялись не более чем абсурдными) [т. 1, с. 74–122].

Не соглашусь, однако, с утверждением, что «правые» явились «неотъемлемой частью становления русского гражданского общества». А. А. Иванов обосновывает своё обобщение следующим: правые партии и объединения не только стремились самореализоваться как политические силы, но и создавали экономические, правозащитные, благотворительные, церковные, трезвеннические и спортивные общества; уделяли немало внимания духовной и культурной сферам: религии, просвещению, образованию, искусству, литературе; способствовали «пробуждению социальной активности российских подданных» [т. 1, с. 584].

Во-первых, большой известностью и популярностью в общественной, беспартийной, среде эти социо-культурные

объединения не пользовались, поскольку «благодаря» идеологии не смогли привлечь на свою сторону тех, кого можно было считать «колеблющимися» и уж тем более тех, кто изначально считал «правых» своими идеологическими противниками.

Во-вторых, число культурно-просветительских и прочих объединений «правых» было невелико и полностью распалось уже после Февраля 1917 г., потеряв всяческий интерес со стороны русского общества. А может, ещё и раньше. Ведь не зря автор тома указывает на то, что апогея своего развития консерваторы достигли уже к концу Первой русской революции, после чего последовали кризис и упадок, приведшие к полному поражению в начале 1917 г.

Всё это свидетельствовало о том, что идеология «правых» партий и объединений изначально не имела никаких политических перспектив, а значит, была обречена, как и монархия, которую они защищали [т. 1, с. 521–522].

Не могу согласиться и с приведённым автором рассуждением известного эмигрантского философа Г. П. Федотова о возможной реализации правой альтернативы в России при определённых условиях (со ссылками на Ф. М. Достоевского) [т. 1, с. 585]. Правда, условия эти, скорее, умозрительные («народ до японской войны мечтал о царе Пугачёве»), чем основанные на реалиях русской жизни. В принципе, с Федотовым не согласен и А. А. Иванов: «такой вариант развития событий был в тех условиях едва ли возможен, показательно, что мыслитель-эмигрант, придерживавшийся христианско-социалистических взглядов, увидел в черносотенном движении определённый потенциал и созвучие народным идеалам» [т. 1, с. 585]. «Увидеть» и предположить можно всё, что угодно, даже ориентируясь на собственное (казалось бы, незыблемое) представление о мировоззрении народа. Но реальность гораздо жёстче, обыватель в массе идёт

не за теми, кто «навязывает» свои идеи, апеллируя к эфемерным идеалам, а не к ежедневным и ежечасным проблемам.

В этой связи не очень удачен пример из истории – беседа В. М. Пуришкевича с М. С. Урицким, в ходе которой первый убеждал одного из большевистских лидеров в восстановлении в России монархии, что якобы и произошло в начале 1930-х гг. («авторитарное сталинское единодержавие») [т. 1, с. 586]. На наш взгляд, не совсем корректно сравнивать сталинизм с монархизмом как идеологии, как государственное управление, как взаимоотношение власти со всем обществом...

Да, в устах отдельных интеллектуалов, типа писателя М. М. Пришвина (писавших об этом, правда, исключительно «в стол») можно найти оценки сталинской эпохи как времени возрождения «русского национализма», «черносотенства», разделения общества на «либеральную еврейскую партию», или «партию “безродных космополитов”», и на «советских черносотенцев». О том же, но уже применительно к брежневской эпохе, писал, например, упомянутый автором партийный работник и историк А. С. Черняев (опять же, «в стол»).

Да, «отзвуки черносотенных идей» звучали исключительно в интеллигентской среде. Но всё это было на уровне предположений, домыслов, в лучшем случае, всплесков во время дискуссий и «кухонных посиделок» времён 1970-х – 1980-х гг.

Другое дело времена перестройки: чего стоит только общество «Память», провозглашавшее лозунги дореволюционных «правых». Но и «Память» – это скорее «дань» времени, не традициям, и уж тем более не благодаря знанию истории русского консерватизма со всеми её поворотами в эволюции, проблемами и кризисами, лидерами и последователями.

И в этом смысле исследование А. А. Иванова даёт уникальную возможность вычлениить и позитивные моменты консервативной идеи (именно идеи, а не

политических перетрубаии): неподдельный и некичливый патриотизм, ставка на авторитетную власть, уважение к русской национальной культуре и истории. Но как быть со свободой личности, привлечением к управлению страной общестственности, поиску компромисса как главного решения важнейших социальных и государственных проблем, дающих возможности избежать крови и жертв? Готовы ли были на это пойти представители консерватизма и «правых» партий начала XX в.? Ответа, к сожалению, у автора тома мы не находим.

Как нам представляется, именно не просто невнимание (а, порой, игнорирование) к этим аспектам общественной жизни и привело «правых» к гибели. А внимание исследователей – к концентрации не столько на «правых» партиях начала XX в., сколько на идеях их предшественников – консервативных мыслителей XIX в. (просто сравним количество опубликованных исследований о «тех» и об «этих».)

Но не стоит отмахиваться и от утверждения А. А. Иванова о том, что и сегодня актуальны те проблемы, которые поднимались «правыми» в самом начале XX в. [т. 1, с. 588–589]. Другой вопрос, каким путём, при помощи какого инструментария и с опорой на какой мировоззренческий фактор их решать.

Что в «сухом остатке»? «Консерватизм как течение общественной мысли и одно из направлений общественного движения не получил поддержки в массовом сознании, причём ни традиционных слов, ни тем более новых, начавших формироваться в пореформенный период. Несмотря на все предпринимаемые попытки лидеров консерватизма и их поддержку со стороны политического режима, идеология этого направления общественной мысли не пользовалась популярностью в широких слоях населения. Поддержка консерваторами самодержавного режима и дворянской собственности крайне негативно воспринималась подавляющим

большинством населения России» [т. 3, с. 875].

Второй том монографии посвящён эволюции партий либеральной направленности (партогенез, структура, численность, состав, география, идеи, программы, практики) под авторством одного из виднейших и известнейших в России исследователей отечественного либерализма К. А. Соловьёва.

Либерализм в России никогда не любили, не приветствовали и считали едва ли не «исчадием ада». При этом не удосужившись обратиться к его истории. Причём не просто к его истории как идеологии, а к его истории как общественно-го движения и применительно к России исключительно начала XX в. Что и предпринял К. А. Соловьёв, суммировав всё, что известно об истории кадетов, октябристов, прогрессистов и иных сторонников либерализма (либерализм конца XX в. оставим для иных времён и иных исследователей).

Не стоит оспаривать утверждение о том, что экономические преобразования второй половины XIX – начала XX вв. на западе Европы (как в силу объективных, так и субъективных обстоятельств) шли с опережением подобных процессов на востоке Европы.

На этом же акцентирует внимание и К. А. Соловьёв, который увязывает данный факт с социально-экономической эволюцией и развитием общественной мысли, добавляя, что последняя – в России – не вырабатывала собственных идей, не реагировала на социально-экономическое отставание собственной страны, а шла по пути простого варианта – заимствовала «легковесные» европейские идеи [т. 2, с. 551–552]. И с этим стоит согласиться. Так же, как стоит согласиться, что и в России общественная мысль шла в отрыве от социально-экономических преобразований: подобный дисбаланс являлся причиной недовольства в интеллектуальной среде, критики правительства, власти как таковой и появле-

ния требований о социальных реформах, причём мгновенных и разносторонних.

И ещё одно, на чём акцентирует внимание автор тома: российские мыслители «варились в собственном соку», их идеи оставались идеями, не идущими в общество, непонимаемые и зачастую невостребованные обществом. А потому от российских мыслителей мало что зависело. Не были они «властителями умов» (всё это следовало из «Партогенеза» либерального движения в России) [т. 2, с. 17–92, 116–117]. Только то, что патернализм не ставился либералами во главу угла своей политики, изначально отталкивал от них российского обывателя, привыкшего жить с полной оглядкой на государство, зависеть от последнего в большом и малом.

Не могу согласиться с утверждением К. А. Соловьёва о том, что любая идеология (в т. ч. и либерализм) имеет своим основанием утопию [т. 2, с. 555]. Так ли это?

Сам же К. А. Соловьёв утверждает, что «либералы делают ставку на рационально мыслящего человека, способного верно определить и отстоять свой интерес. Его желание обеспечить себе комфортную жизнь предполагает организацию рационального взаимодействия с обществом (гражданское общество) и с институтами (правовое государство)» [т. 2, с. 555].

«Рационально мыслящий человек», «определить и отстоять свой интерес», «рациональное взаимодействие с обществом».... Какая же это утопия? Или автор что-то не договаривает? Опускает географический аспект?

Но К. А. Соловьёв убеждён в том, что либеральная утопия была удивительна тем фактом, что сами её создатели – либералы – не полагались на неё в полной мере, считая, что, во-первых, рационально мыслящих людей пока меньшинство, что правовой порядок существует лишь на бумаге (все это соответствовало истине. – В.Т.), что установлению последнего препятствует не только сама власть,

защищающая не правопорядок, а саму себя, но и подавляющее большинство населения, не готовое к обновлению (и это утверждение – «в точку». – В.Т.).

Но «либеральный политик оказывался между Сциллой и Харибдой, с которыми приходится договариваться, и, следовательно, уступать. Действующей власти и связанным с ней элитам нужно было гарантировать особый регламент интеграции в новый порядок. Массам же надо было объяснить его материальные преимущества. Таким образом, либералы выступали невольными медиаторами между старыми элитами и большинством населения» [т. 2, с. 555].

С последними утверждениями не соглашусь. Какие же либералы «медиаторы» (т. е. посредники)? Они скорее претендовали на роль раздражающих и власть, и общество проповедников.

Важно, на наш взгляд, другое. Либералы в истории России *всегда* (К. А. Соловьев считает, что «пока», т. е. в начале XX в.) оставались в меньшинстве. И это и вина, и беда сторонников либеральной идеи. Традиции и ментальность русского общества базировались и базируются на иных приоритетах. И в этом главный просчёт и земцев, и «освобожденцев», и кадетов, и П. Б. Струве, и П. Н. Милюкова, и иных. В итоге история русского либерализма начала XX в. закончилась в первой волне русской эмиграции.

«Не удалось укорениться в массовом сознании и идеологии либерализма, – отмечает один из авторов монографии, – особенно в его октябристском варианте (речь об «октябристах – В.Т.), в котором защищались интересы крупных промышленников и предпринимателей, значительная часть которых мыслила и действовала традиционно» [т. 3, с. 876].

Самый большой том монографии посвящён социалистическим партиям России. Над томом работали В. В. Журавлев, Я. В. Леонтьев, О. Л. Протасова, Д. И. Рублев, П. Ю. Савельев, М. Д. Трухин. Каждый из авторов известен своими работа-

ми в области и политической мысли, и политических партий – социал-демократов, социалистов-революционеров, левых социалистов-революционеров, «трудовиков», анархистов.

Чем объясняется такое внимание авторов к социализму? Только одним: социалистическая идея оказалась востребована в России благодаря российским традициям и ментальности. Стоит, однако, оговориться: *идея*, но не *партии*, каждая из которых хоть в чём-то (в программе или действии), не устраивала обывателя.

Тому подтверждением может служить следующий факт: несмотря на то, что после поражения Первой российской революции 1905–1907 гг., социалистические партии потеряли большую часть своих членов, после Февраля 1917 г. начался стремительный численный рост, который вновь, в годы Гражданской войны, сменился новым оттоком [т. 3, с. 200, 473, 759, 777].

Адепты социализма позиционировали себя, и это авторы особо подчёркивают, исключительно как выразителя интересов большинства российского населения. Но большинство населения империи в начале XX в. составляло, как известно, крестьянство. Быть может поэтому, социалисты-радикалы (большевики), делавшие ставку на промышленный пролетариат, недоучтя социальные особенности последнего, вынуждены были весной 1921 г. под давлением крестьянского большинства отказаться от основных марксистских идей (ликвидация частной собственности, рынка, товарно-денежных отношений) и допустить возвращение либерально-капиталистических идей в экономике.

Авторы тома отмечают, что ставка партий на тот или иной слой предопределяла пути и направления социального переустройства страны – реформы или революция [т. 3, с. 11]. Так ли это? Российское общество начала XX в. отличалось социальным нетерпением и требо-

вало всего и сразу, что подразумевало осуществление изменений революционным путём и радикальными средствами. Желание же умеренных социалистов осуществлять изменения планомерно и постепенно вызывало лишь критику, недовольство и повышало статус социального напряжения. В результате сторонникам изменений реформаторским путём приходилось расставаться с властью, подвергаться репрессиям и спасать свою жизнь в эмиграции.

Авторская позиция в оценках ситуации в социалистическом движении начала XX в. судеб социализма в России [т. 3, с. 6–12] нуждается, на наш взгляд, в дальнейшем развитии. Попробуем предположить: социалистам, уже с момента организационного оформления партий, не удавалась консолидироваться ни по одному вопросу (Г. В. Плеханов *versus* В. И. Ленин, II съезд РСДРП, меньшевики и большевики). Чем дальше, тем больше. Даже бесспорное для них свержение монархии вызвало кризисы кануна Октября 1917 г., а затем последовали и Викжель, и Брестский мир, и мятеж левых эсеров. И во всех случаях мы наблюдаем только «расколы», имевшие место в социалистическом движении. Невозможность выработки единой позиции привела к тому, что социализм в России представлялся лишь одной партией, одним политическим видением мироустройства. И это «единство», подкреплённое верой в неизбежность мировой революции (в которую уверовали не только правящие единолично большевики, но и преследуемые ими и меньшевики, и эсеры) конвертировали социалистическую идею в России – и без того утопическую – во что-то такое, что практически невозможно было охарактеризовать и определить однозначно.

Подводя черту под оценками в политической истории России социалистов, один из авторов монографии отмечает: «Гораздо большей популярностью в массовом сознании пользовались идеи со-

циалистических партий, которые в своих моделях предлагали радикальное решение объективно назревших проблем бытия в интересах большинства населения» [т. 3, с. 876].

Радикализм, видимо, заключался в том, чтобы «взять всё и поделить»?

Трёхтомник подытоживает заключение В. В. Шелохаева (на ряд его выводов мы уже выше ссылались), общепризнанного и бесспорного специалиста и знатока политической истории России конца XIX – начала XX столетий [т. 3, с. 863–879]. Однако ряд моментов, отмеченных маститым исследователем, требует разъяснений. Справедливости ради отметим, что в других своих работах автор послесловия подкрепляет свои идеи подробными и убедительными обоснованиями¹.

В. В. Шелохаев отмечает: в исследовании показано, что в начале XX в. все без исключения политические партии в России совершили стремительную «пробежку» в своей эволюции.

А было ли у них время на последовательную эволюцию? Всего-то 12 лет (1905–1917 гг.). Но даже эта 12-летняя история представляет собой прекрасный образчик того, что дала России история политических партий начала XX в.

И всё же не так всё просто в истории политических партий России начала XX в. И с этим, мы уверены, автор послесловия согласится. Что, в принципе, подтверждается его же итоговыми замечаниями.

1. Российская многопартийность формировалась в условиях не завершившегося процесса модернизации (в самом широком понимании смысла этого понятия), в т. ч. и при отсутствии зрелого гражданского общества, одного из важных факторов развития государства.

А разве могло быть по-другому в ситуации существования «общества догоняющего типа»? И разве не политизация

¹ Шелохаев В. В. Многопартийность в России в начале XX века. М.: РОССПЭН, 2023. 672 с.

общества должна способствовать эволюции его гражданственности?

2. «Интеллигентское инициативное меньшинство распадалось на множество идейно-политических группировок, которые имели своё видение прошлого, настоящего и будущего России. Каждая из этих группировок, преследуя собственные цели, находилась в поисках соответствующих «социальных ниш». И каждая внедряла в общественное сознание идею о перспективности именно её модели преобразования России. Количество подобных моделей и субмоделей многократно превосходило реальные возможности страны» [т. 3, с. 877–878].

В общем и целом согласиться можно: да, налицо политизация «интеллигентского меньшинства, что, впрочем, для истории России не ново и не оригинально; да, каждая из групп и каждое из объединений искало свою «общественную нишу» (что понятно и бесспорно). Но далеко не все стремились и рассчитывали, а уж тем более внедряли свои идеи в общественное сознание. Выше уже отмечалось, что очень многие российские мыслители – вне оценок их общественной величины – «варились» исключительно «в собственном соку». Какое уж тут «внедрение»?

3. Формирование более 100 (!) политических партий в начале XX в. представляло собой логическое продолжение «той же идейно-политической борьбы, которую вели между собой уже несколько поколений инициативного меньшинства. При этом у политических партий и групп не просто сохранялось, но усиливалось взаимное неприятие друг друга, причём нередко они принадлежали к одному и тому же политическому направлению» [т. 3, с. 878].

Не всегда так. Периоды «неприятия» сопровождались короткими периодами временных союзов, которые существовали, как правило, очень непродолжительное время.

Таким образом, история политических партий в России начала XX в. вызывает больше вопросов, чем ответов. Уж очень она отличалась от партийного строительства в Европе. Что, впрочем, не удивительно.

И ещё 2 пункта, которые представляются нам наиболее важными. История многопартийности в России начала XX в. важна в большей степени с позиции осмысления морально-этической ответственности «инициативного меньшинства», которое ради собственных идейно-политических установок было готово рискнуть и пойти на эксперимент общенационального характера. В результате формировалась партия, которая была убеждена в своей идейно-политической правоте и нетерпима к своим оппонентам [т. 3, с. 878–879].

Как образно и совершенно точно подметил один из авторов тома, В. В. Журавлев, российская многопартийность начала XX в. представляла собой своеобразную «ярмарку идей, программ, стратегий и тактик» [т. 3, с. 13]. И с этим не поспоришь. Мало того, зачастую здравые идеи о развитии государства подменялись общими рассуждениями, штампами, бессвязными междометиями.

Насколько это было интересно обывателю? Это было неважно. Ставка в борьбе за адептов делалась, переиначивая фразу Э. Бернштейна, на иное: цель – все, движение – ничто.

В итоге, Октябрь 1917 г. положил конец многопартийности в России как историческому феномену.

Подводя черту под, может быть, несколько эмоциональным разбором работы, отметим: рецензируемая нами трёхтомная история политических партий в России начала XX в. представляет собой уникальное исследование того, к чему приводит попытка выстраивания политических конструкций в стране, где традиции и ментальность требуют совсем иного.

Дата поступления в редакцию 01.03.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Телицын Вадим Леонидович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научного центра «XX век: социально-политические и экономические проблемы» Института всеобщей истории Российской академии наук;
e-mail: telitsyn@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim L. Telitsyn – Dr. Sci. (History), Prof., Leading Researcher, Scientific center «XX century: sociopolitical and economic problems», Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: telitsyn@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Телицын В. Л. Рецензия на книгу: Политические партии России. Конец XIX – начало XX вв.: в 3 т. / отв. ред. В. В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 2067 с. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 2. С. 164–171.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-164-171

FOR CITATION

Telitsyn V. L. Book review: Political parties of Russia. The end of the 19th – beginning of the 20th century: in 3 volumes / ed. V. V. Zhuravlev. Moscow: Politicheskaya encyclopedia Publ., 2022. 2067 p. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 2, pp. 164–171.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-164-171